

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Неопозитивизм и цивилизованный
ПОДХОД

Осмысление истории, ее цели и предмета ее изучения проходило часто путем возврата к моделям, предшествующим позитивизму. Бенедетто Кроче искал выход из послевоенного кризиса в философии Гегеля. К идеалистам (не только к Гегелю) апеллировал Коллингвуд. Они считали, что нужно сделать пару шагов назад, вернуться к истокам и к здоровым началам профессиональной исторической практики, чтобы возобновить движение вперед.

Не все смотрели в прошлое в надежде разглядеть там ответы на поставленные временем вопросы. Были и те, что не считали позитивизм дискредитированным, а его потенциал исчерпанным. Были и другие, что, отказавшись от концепций прогресса мирового духа и всемирной истории, разработали свои новые и плодотворные подходы.

Об этих двух широких течениях в историографии первой половины XX века пойдет речь в нашей лекции.

В XX веке позитивизм сохранил свои позиции в виде неопозитивизма в экономической истории. Это была относительно новая, но динамично развивающаяся отрасль исторической науки. В начале XX века она уже преподавалась в американских, британских и французских университетах. На ранних этапах экономические историки занимались государственной политикой в области экономики. Постепенно расширялась сфера их исследований: к экономической политике добавились изучение динамики цен и заработных плат, торговля и коммерческая революция. Особым вниманием пользовалась Англия как родина Индустриальной революции. Сконцентрировавшись на Англии, историки стремились понять структуру феномена индустриализации в целом.

Экономическая история как ответвление истории проходила через процесс внутреннего усложнения. Возникли субдисциплины по отраслям производства, регионам, корпорациям. Менялось и представление о том, что конституирует хозяйственную жизнь людей; любые из социальных практик могли обрести экономическое измерение.

Проблемой для экономических историков оставалась скудость источников. Тот факт, что систематический сбор информации, касавшийся хозяйственной деятельности людей, начался только в XIX веке, заставлял исследователей переходить от теоретически обоснованных повествований о недавнем прошлом к спекулятивным суждениям о более ранних периодах.

В экономической истории на авансцену выходили не выдающиеся личности, идеологии или вдохновленные ими народы, а так называемые «объективные факторы», оказывающие влияние на другие сферы общественной жизни. Если прежде экономических историков интересовала описательная сторона, то в начале XX века их внимание сместилось к механизмам экономических перемен. Наиболее горячие споры возникли как раз вокруг векторов и механизмов этих изменений.

Одними из первых, кто поднял вопрос динамики экономических отношений, были французские социологи и историки Франсуа Симиан и Эрнест Камиль Лабрусс. Они считали, что экономические циклы следуют изменениям в стоимости денег, движении цен и заработной платы. Не останавливаясь на этом, они связывали экономические перемены с переменами в социальных отношениях и коллективной социологии. Их британских коллег (в частности профессора Лондонской Школы Экономики Ричарда Тоуни) интересовали взаимодействия этики и экономики. Этический аспект индустриальной революции присутствовал долгое время и в исследованиях английских ученых, что отразилось в известной фразе экономического историка из Кембриджа Джона Клепэма: «экономический прогресс не равнозначен прогрессу человеческому».

В первой половине XX века экономические историки активно заимствовали теоретические методы от экономистов, переходя от описательно-нормативного подхода к количественному. Экономические теории, предопределяющие направление исследований, принадлежали к неоклассической школе экономики. Их ограниченность заключалась в том, что законы, отраженные в теориях, не были всеобщими. Как отмечали критики такого экономического подхода, каждый период экономической истории следовал своим законам. Проблема состояла в том, что «открытие» этих законов уже подразумевалось в тех характеристиках, которыми экономические историки наделяли выделенные ими экономические периоды. Так получался замкнутый круг.

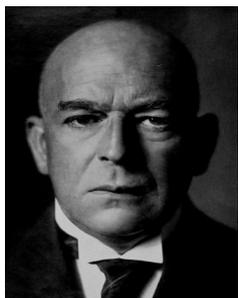

С такой критикой практики исследования в экономической истории выступил рожденный в Австро-Венгерской Галиции американский историк и теоретик Людвиг фон Мизес. Чтобы понять законы, нужно исследовать периоды без каких-либо ссылок на события, случающиеся за данными временными рамками. Кроме того, отметил фон Мизес, если определенные периоды характеризуют неизменные экономические законы, то что происходит в переходные моменты? Имеют ли они свои собственные законы?

Несколько позже, в 60–70-е годы XX века, из методологической базы, созданной историками-экономистами в годы между войнами, произросла «Школа Новой экономической истории». Ее методология основана на количественном анализе и моделировании экономических процессов. В наиболее радикальном виде подходы школы новой экономической истории проявились в практике «клиодинамики» и «клиометрики». Ее сторонники – нобелевские лауреаты Роберт Фогель и Дуглас Норт – известны своей приверженностью к использованию методов математического анализа в изучении не только экономической истории, но и в сфере социальных и политических процессов.

Экономические историки, хоть и отрицающие тождественность экономического роста с человеческим прогрессом, исходят из предположения единства мирового исторического поля. Законы экономики могут меняться, но они продолжают быть универсальными или квазиуниверсальными с точки зрения области их применения.

Наиболее же последовательное отрицание как прогресса, так и целостности мировой истории проявилось в работах Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби и Йохана Хейзинги.

Немецкий мыслитель и историк Освальд Шпенглер был в некотором роде провидцем. Еще до Первой Мировой войны им была написана книга с провокационным названием «Закат Европы: Эскизы морфологии мировой истории». Многие забыли о подзаголовке, сконцентрировавшись на сенсационном «Закате». Однако работа, безусловно мотивированная ощущением кризиса целой цивилизации (и при этом цивилизации, отождествлявшей себя с мировым процессом) касается не столько истории Запада или Европы, сколько структуры исторического сознания.

Необходимо заметить, что Шпенглер отрицает единство истории, потому как у человечества нет единого понимания исторического времени. Можно даже сказать, что нет «объективного человечества», есть лишь конструкт человеческого единства, произведенный одной из нескольких существовавших и существующих культурных замкнутых систем – цивилизаций. Шпенглер насчитывает восемь отдельных цивилизаций, каждая из которых развивается не в соответствии с универсальными законами (природы или истории), но в соответствии с тем, что Шпенглер туманно называет «судьбой». У каждой культуры есть некое ощущение миссии, направленности, что обуславливает форму и содержание всех аспектов деятельности представителей этих цивилизаций. Греческая «судьба» выражена в форме «твердого тела», арабо-византийскую цивилизацию олицетворяет символ «закрытой пещеры», а фаустовскую – собственно европейскую – бескрайний горизонт.

Между культурами нет органической связи. Они друг другу недоступны. Так, математика древних греков лишь внешне напоминает современную нам математику, однако функционирует она совершенно иначе.

Единственное, что объединяет культуры, это циклы, через которые они проходят. Эти циклы напоминают жизнь организма. Он начинается с детства и непосредственности варварства; переходит к юности первых политических организаций, форм искусства и науке, переживает расцвет сил в классицизме, начинает увядать с декадансом и умирает вместе со своими ценностями и миропониманием.

Конечно, методологию Шпенглера невозможно назвать научной, да и сам Шпенглер не претендовал на это. Его труд полон интуитивных прозрений и грубейших ошибок. «Закат Европы» – крайне неоднозначная работа, что и объясняет то влияние, что книга продолжает оказывать, пусть и непрямым образом, на общественное сознание современности.

Работой, развившей далее шпенглеровский «цивилизационный» подход к истории, стала монументальная, 12-ти томная книга британского ученого Арнольда Тойнби «Постижение истории». Предметом его исследования является совокупность человеческих сообществ, именуемых «цивилизациями».

Тойнби делит цивилизации на первичные, вторичные и третичные. Большинство из них являются «примитивными обществами», погибающими до развития ими сложной культуры. Из множества цивилизаций, Тойнби выделяет пять основных – западную, восточно-христианскую, исламскую, индуистскую и дальневосточную. Все они имеют похожую внутреннюю схему, или закон развития. Их появление, становление и упадок характеризуются такими факторами, как внешний Божественный толчок и энергия, вызов и ответ, уход и возвращение.

Тойнби считает, что историей руководит Божественная идея, познать которую можно посредством откровения. Правда совсем в другом контексте, отдельные личности являются носителями этой идеи. Мировые религии и империи, стремящиеся к объединению, – проявление этой идеи.

У Шпенглера и Тойнби – ряд общих черт, но есть и различия. В отличие от Шпенглера, Тойнби не считает культуры изолированными настолько, чтобы быть интеллектуально недоступными друг для друга. Отношения между цивилизациями имеют внешний характер, но составляют часть жизни самих цивилизаций. Играет роль и преемственность между сменяющимися друг друга цивилизациями.

Выдающимися примерами работ, написанных в рамках культурно-исторического подхода к прошлому, стали книги голландского историка Йохана Хейзинги. Хейзинга, посвятивший вторую половину своей жизни изучению позднего Средневековья, начал карьеру как специалист в индуистской и буддистской религиозной литературе. Вполне вероятно, именно такая встреча с непохожим, инородным и развили у Хейзинги тонкую восприимчивость к различию. С 1915 года до Второй Мировой войны Хейзинга преподавал в Лейденском университете, где им и были написаны его основные труды: сборник эссе «Осень Средневековья» и культурологический трактат о роли игры в человеческой культуре и языке Homo Ludens.

Судьба Хейзинги трагична. В 1942 году он был арестован нацистами и отправлен в концлагерь. Умер ученый в 1945 году за несколько недель до освобождения Нидерландов от немецкой оккупации.

Подзаголовок главной книги «Осень Средневековья» дает представление о ее предмете: «Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах». Уже здесь проявляется новаторство автора. Хейзингу можно считать основоположником истории ментальностей, или, как он выразился, «форм мышления». Историк обращается к внутреннему миру, душевным переживаниям человека как к одному из важнейших источников познания прошлого. Круг используемых источников широк: архивные материалы, философские трактаты, летописи, поэзия, картины Ян ван Эйка и Вандер Вайдена. На их основе он строит меланхолический образ уходящей средневековой культуры, воспроизводит мир переживаний, чувств, страстей, надежд и страхов ее носителей, характерные черты мировидения, поведенческие стереотипы и жизненные установки людей того времени.

Хейзинга затрагивает одну из самых сложных проблем историографии, проблему «переходного» периода. Исчезающий мир средневековья – это и рождающийся мир новой исторической действительности. В такие моменты сложно отделить одно от другого. Элементы разных мировоззрений сосуществуют вместе, вступая в сложные отношения и придавая переходной эпохе характерный ей динамизм.

Контрастируя со Шпенглером, Хейзинга отрицает исторический детерминизм. Он пишет, что история ничего «не может предсказывать, кроме одного: ни один серьезный поворот в человеческих отношениях не происходит в той форме, в которой воображало его себе предшествующее поколение. Мы знаем наверняка, что события будут развиваться иначе, не так, как мы можем их себе представить».

Хейзинга дает свое обоснование истории. Он считает потребность в историческом знании потребностью абсолютной, поскольку это знание и есть культура. Для него история – это та духовная форма, в которой

Книга: История исторического знания

Лекция: Неопозитивизм и цивилизованный подход

культура отдает себе отчет о своем же прошлом. В его творчестве с невиданной ранее в историко-философских трудах силой прозвучала тема человека в истории. Его методы, как и центральный пафос его работ, легли в основу таких динамично развивающихся направлений современной науки как историческая антропология и культурология.

Более подробно мы поговорим о них в 23 лекции.

В следующей лекции речь пойдет о еще одном ключевом направлении межвоенной исторической науки – об основанной французскими историками Марком Блоком и Люсьеном Февром школе Анналов. Мы также посвятим эту лекцию и послевоенному отражению «Анналов» в виде так называемой «Новой Истории».